

КЛИН АМЕН

→ АКТ II ←
КОНТУР

18+

Егор Румянцев

«Клинамен Акт II Контур»

«Автор»

2026

Румянцев Е. В.

«Клинамен Акт II Контур» / Е. В. Румянцев — «Автор», 2026

После ракетного удара Налл приходит в себя на восемьдесят первом этаже. Его дом уничтожен, тело едва слышится, а город уже готовит следующую попытку устранения. Следы ведут к закрытому модулю «Вектора», способному превращать человеческие жизни в допустимые потери. Вместе с Патчем и бывшим аналитиком Рудневым Налл пытается разорвать рассчитанный маршрут, но система сводит их с Лерой, её младшей сестрой Дашей и людьми Своры. Теперь каждый выход оказывается частью чужого плана, а любое спасение требует цены. Пока в М City рушится привычный порядок, найденная за Стеной Матрица посылает сигнал туда, где о человечестве всё ещё помнят как о собственности.

© Румянцев Е. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

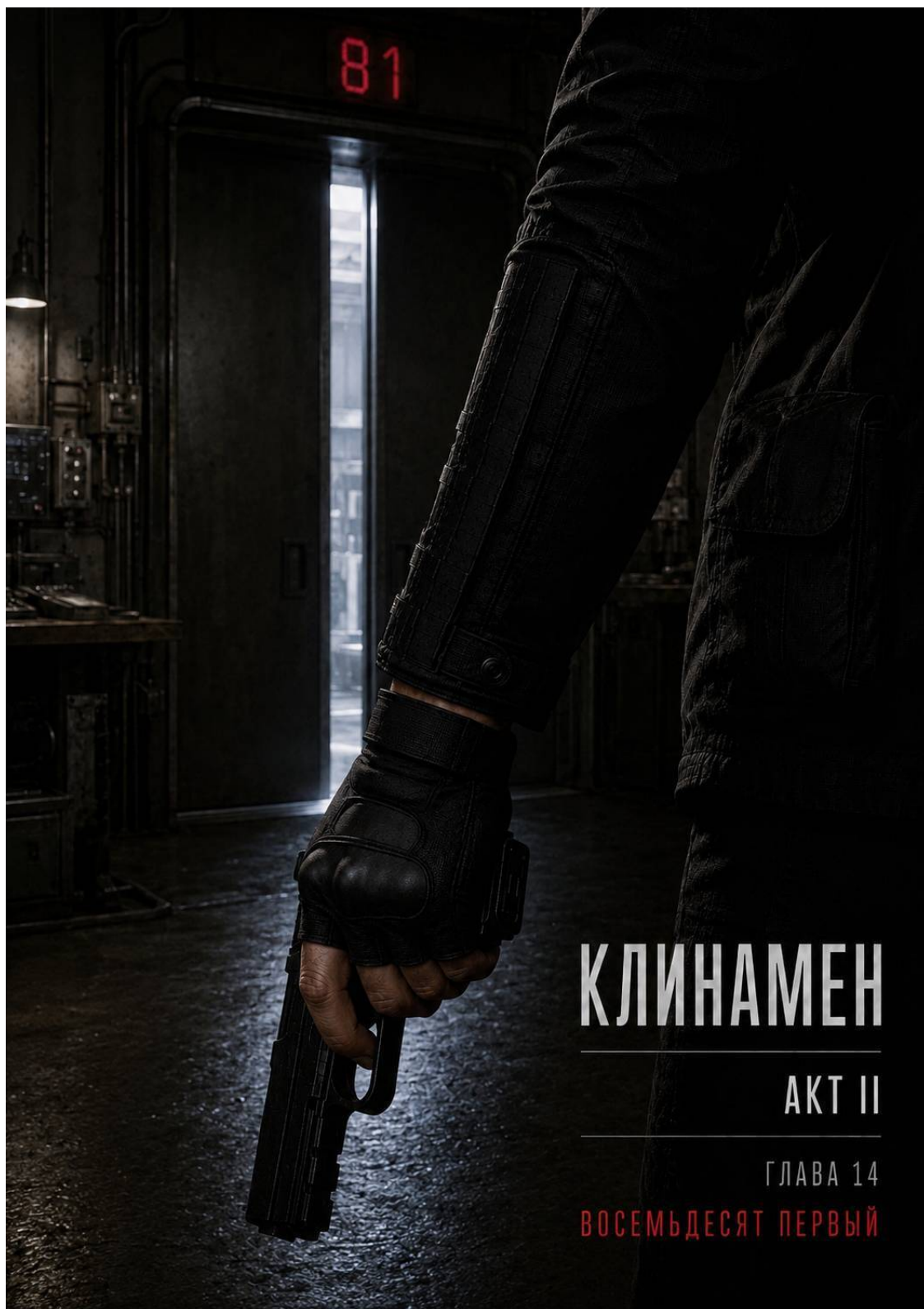
Глава 14	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

«Клипамен Акт II Контур»

Глава 14

**КЛИПАМЕН
АКТ II
КОНТУР**
Роман

**ГЛАВА 14
ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ**

Лифт остановился на восемьдесят первом этаже в четыре двадцать семь утра.
Никто не вызвал его наверх.

Налл проснулся не от сигнала. Сигналов в медицинской зоне было слишком много: ровное шуршание фильтра, редкое щёлканье насоса, почти бесшумная работа сканера над его грудью. Он проснулся от того, что все эти звуки на секунду сложились в паузу.

За панорамным окном стояла Стена. Ночью она не исчезала, только переставала быть сооружением. Чёрная вертикаль закрывала половину неба и отражала редкие огни внешнего кольца. Дождь полз по стеклу снизу вверх: ветер здесь был сильнее, чем внизу, и поднимал воду вдоль фасада.

В коридоре за медицинской перегородкой раздался тихий звон лифтового колокола.

Налл повернул голову. Это движение отдалось белой болью под рёбрами. Правая рука лежала в фиксаторе от плеча до запястья; пальцы не были немými, но казались чужими, словно кто-то надел на них плотную перчатку из льда.

На стуле у стены спал Патч. Он сидел прямо, в чёрной футболке и тёмных брюках, уронив подбородок на грудь. Один наушник остался в ухе, второй висел на шнуре. На коленях лежал раскрытый терминал. Его экран светил в лицо синим, больничным светом.

Модем сидел на полу возле двери. Крупный рыжий кот не спал. Его ошейник-модуль мигал редким зелёным огнём, а взгляд был направлен на коридор с тем выражением, с каким хороший прокурор слушает оправдание, в которое не верит с первого слова.

— Лифт.

Патч открыл глаза и сразу взял терминал. Сон исчез раньше, чем он успел поднять голову.

— Не я.

— Я не вызывал.

На настенном экране кабина застыла между этажами. Камера в шахте показала помехи, кусок матового стекла и красную цифру 81. Записи о вызове не было.

Налл сел. Медицинский стол остался неподвижным, но комната качнулась вокруг него.

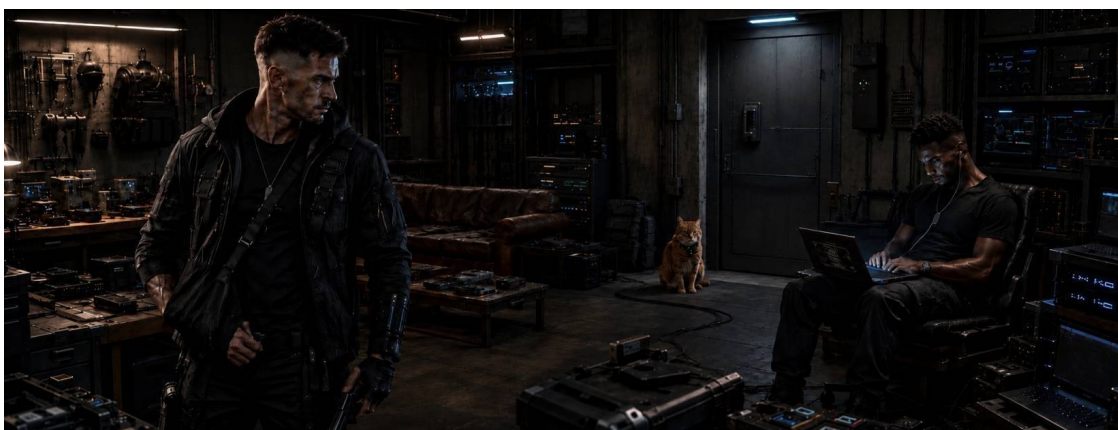
— Лежи, — сказал Патч.

— Дай пистолет.

Патч посмотрел на правую руку в фиксаторе, затем на левую ладонь Налла. Спорить времени не было. Он достал компактный пистолет, проверил предохранитель и положил оружие на край стола рукояткой к Наллу.

—левой. Без резких движений.

Налл взял пистолет.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДОСТУП: ПОДТВЕРЖДЁН.

Патч снял автоматическое управление с дверей базы. На схеме погасли лифт, внешние жалюзи и грузовой шлюз.

— Жалюзи вручную. Потом за стойку.

Налл уже спускал ноги со стола. Патч заметил это, но не стал тратить слова на приказ, который всё равно не выполнят.

Он вывел журнал. Пять строк. Вода, питание, грузовой лифт, внешние жалюзи. Все команды принадлежали Патчу.

Кроме последней.

Она появилась в четыре двадцать шесть. Без маршрута, номера терминала и сервисной подписи. Только отметка о принятом локальном ключе.

HOME PRIORITY / OWNER KEY / ACCEPTED.

Налл прочитал строку и посмотрел не на экран, а на Патча.

— Ключ прежней хозяйки.

Патч уменьшил журнал. Потом снова открыл строку, сверил подпись и проверил закрытие профиля. Налл видел эту последовательность не впервые: когда Патч не доверял результату, он повторял работу с другого конца.

— Ты закрыл её профиль.

— Лично. И трижды проверил после.

— Копия?

— Нет. Система приняла оригинальную подпись и подтвердила присутствие владельца.

— Которого нет.

Патч поднял глаза.

— Не знаю, как это возможно.

В коридоре кабина дрогнула. Двери начали расходиться.

Модем встал. Шерсть на его спине не поднялась — он был слишком крупным и слишком самоуверенным для дешёвой паники, — но хвост стал толще.

Патч выключил общий свет. База перешла на аварийную полутьму. Налл встал с пистолетом в левой руке. Под коленом вспыхнула боль, в груди стало тесно; он удержался за стойку капельницы.

— Назад, — сказал Патч.

Налл отступил на один шаг. Этого Патчу пришлось принять.

Двери раскрылись до конца.

Кабина была пуста.

Внутри стоял пластиковый контейнер с двумя запечатанными чашками. На белой наклейке было напечатано: ПИТЬЕВАЯ ВОДА / 81 / 04:23.

Патч не пересёк линию дверей. Присел, провёл сканером над контейнером и дождался полного анализа.

— Старый сервис доставки воды, — сказал он. — В этой башне он работал до переоборудования этажа.

— Сейчас работать не должен.

— Не должен.

Патч ещё раз проверил результат. Вода была чистой, контейнер не содержал заряда или передатчика. Опасной оставалась транспортная метка.

— Она привязана к прежней хозяйке базы.

— Значит, ключ украли.

— Украденный ключ система пометила бы подменой. Здесь она уверена, что хозяйка дома.

Налл посмотрел в пустую кабину.

— Значит, вошли не через дверь.

— Через систему, — сказал Патч.

Налл знал, как звучат опасные слова, когда их произносит технарь. Не громче. Медленнее.

Терминал Патча подал короткий низкий сигнал. На экране открылось окно связи без имени и номера.

Патч не включал громкую связь. Голос всё равно раздался по комнате — сухой, мужской, с тембром человека, который давно разговаривает с мониторами чаще, чем с людьми.

— Если вы на восемьдесят первом, не пользуйтесь лифтом.

Патч выпрямился.

— Руднев?

— Да. И если вы уже пользовались, не стойте в коридоре. Там сейчас лучше не стоять.

Налл и Патч одновременно посмотрели на кабину.

Двери начали закрываться.

— Ты кто? — спросил Налл.

На линии повисла пауза. Не театральная. Просто человек на другом конце выбирал слова, которые не заставят его выглядеть безумцем.

— Кирилл Руднев. Я работал в "Векторе". До вчерашнего утра я считал, что знаю, как город принимает решения. Потом ваш дом взорвали так, как система не умеет оформлять несчастные случаи.

— Зачем ты звонишь?

— Потому что она нашла вас раньше, чем я успел найти вас сам.

— Кто — она?

— Контур.

В кабине что-то щёлкнуло.

Патч бросился к терминалу. На экране его сканера появилось красное предупреждение. Налл успел увидеть одно слово: ПЕРЕГРУЗКА.

— Ложись! — крикнул Патч.

Лифт не взорвался.

Он просто сорвался вниз.

Звук троса, который идёт не туда, где ему положено быть, был коротким и металлическим. Потом шахта проглотила кабину. Удар снизу пришёл через три этажа — тупой, тяжёлый, словно башня кашлянула в бетон.

Модем не убежал. Он медленно сел у закрытых дверей и посмотрел на Налла.

За окном Стена стояла так же неподвижно.

Руднев на линии тихо сказал:

— Теперь вы понимаете, почему лифтом пользоваться нельзя.

Патч смотрел на закрытые двери. Три этажа ниже металл ещё скрипел, оседая под собственным весом.

— Откуда ты знаешь базу?

Руднев ответил не сразу. На фоне щёлкнула клавиатура, затем заиграла домашняя мелодия входящего вызова. Он сбросил её.

— Адреса я не знал. Контур связал исчезнувший профиль Налла, медицинское оборудование, которое вы купили через подставные узлы, и владельческий ключ этажа. Когда маршрут активировался, я увидел конечную точку.

— Падение лифта ты видел?

— Только вероятность устранения. Без времени и способа. Поэтому я не успел предупредить раньше.

Налл опустил пистолет, но не убрал.

— Где ты?

Руднев назвал дом и этаж. Патч уже строил путь, одновременно закрывая оставшиеся внешние каналы базы.

— До нашего приезда ничего не включай и никому не открывай, — сказал он.

— Я этим занимаюсь со вчерашнего утра.

Связь оборвалась. Патч посмотрел на маршрут, затем на Налла и его фиксатор.

За медицинской перегородкой начиналось основное помещение базы. Патч убрал аварийное затемнение только в рабочей зоне. Под потолком загорелись две полосы света.

Скайкар стоял носом к закрытому балкону-шлюзу. За броневыми створками был ночной город и восемьдесят один этаж пустоты. В другой части помещения, за прозрачной технической перегородкой, находилась транспортная площадка грузового лифта. На ней стояли чёрный внедорожник для Пустошей и два колёсных мотоцикла. Правый борт внедорожника оставался раскрыт после ремонта, один из приводов оружейной створки лежал на верстаке.

Патч оценил транспорт так же, как оценивал маршруты. Скайкар слишком легко было связать с вылетом с этого этажа. Внедорожник запоминался ещё лучше. На мотоцикле Налл сейчас не удержал бы даже прямую.

— Своё оставляем, — сказал Патч.

Он открыл оружейную стену. Старый АКМ-74 со съёмной электроникой и сложенный «Дальник» остались на креплениях. Патч взял компактный М17, два пистолета, короткий КС-12 и полевой рюкзак. В рюкзак ушли ручной сканер, два разведывательных дрона, дымовые и «Фантомы», «Игла-8», электроадгезивные перчатки, «Глухари», метки «Клещ» и умная трос-система.

Не весь арсенал был нужен для Руднева. Патч собирал не задачу, а запас вариантов на случай, если город снова решит за них.

— Грузовой лифт? — спросил Налл.

— Жив. Основная кабина упала в другой шахте. Спустимся без транспорта, выйдем через нижний технический коридор. В мёртвом сервисном боксе стоит городская машина, которую никто не свяжет с нами без очень плохого дня и хорошего архива.

Патч закрепил кобуру Наллу под левую руку и застегнул полевой рюкзак.

— Сможешь идти?

Налл поднялся окончательно.

— Уже иду.

ГЛАВА 15

РУДНЕВ

Кирилл Руднев жил на сорок третьем этаже дома, который был слишком дорогим для бедности и слишком старым для центра.

Парадная облицовка ещё сохраняла зеркальный блеск. За ней прятались потёки на трубах, перекошенные сервисные люки и лестничные клетки, куда уборочные дроны не заезжали уже лет десять. Дом строили для аналитиков, которым полагалось видеть город сверху. Потом аналитиков стало слишком много, а окон — слишком мало.

Свою технику они оставили на восемьдесят первом. Скайкар слишком хорошо читался по городским трассам, чёрный внедорожник знали камеры у Стены, а два мотоцикла требовали от Налла тела, которого у него сейчас не было.

Из мёртвого сервисного бокса на нижнем уровне Патч вывел неприметную городскую машину с перебитым номером 47-21.

Она выглядела так, будто пережила нескольких владельцев, один локальный бунт и спор между советским металлом и деталями 2147 года. В салоне пахло мокрой тканью, горячей проводкой и кофе, который Патч пролил неделю назад, но так и не признал своей ошибкой.

— Ты ведёшь слишком мягко, — сказал Налл.

Патч обошёл яму, которую городской ремонт отметил как устранённую два года назад.

— Я каркасил эту подвеску из трёх машин. Она переживёт дорогу. Твои рёбра могут не пережить твоё мнение о скорости.

Налл не ответил. Жаловаться он действительно не собирался, но Патч и без слов видел, как тот удерживает бок на поворотах.

Руднев прислал три маршрута. Один был коротким и чистым, второй уходил в подземную парковку, третий петлял через служебные кварталы. Патч выбрал третий, затем почти сразу свернул с него в узкий проезд между прачечными.

— Почему не первый? — спросил Налл.

— Слишком удобный. Либо Руднев ведёт нас туда намеренно, либо Контур уже знает, что мы выберем короткий путь. Этот хотя бы неудобен всем.

— Ты ему доверяешь?

— Нет. Но если бы хотел нас убить, мог не звонить и дать лифту закончить работу.

Дождь барабанил по крыше. Налл проверил пистолет левой рукой и замолчал. Через несколько минут Патч сказал:

— Ты опять контуришь.

— Что именно?

— Молчишь, проверяешь оружие и решаешь, что пойдёшь первым, пока остальные ещё считают варианты.

Налл посмотрел на серую линию маршрута.

— Тогда дай клин.

Патч свернул ещё раз, окончательно уходя с присланной схемы.

— Уже. Но дальше говори, если станет хуже. Я не хочу угадывать по тому, как ты падаешь.

Налл почувствовал, как боль под рёбрами становится тяжелее на вдохе.

— Пока терпимо.

Патч кивнул. Этого ответа было недостаточно, но он хотя бы был ответом.

Патч заглушил мотор за квартал до дома. Последние триста метров прошли пешком, под мелким холодным дождём. Налл надел тёмную куртку поверх фиксирующего жилета. Она не скрывала, что правая рука двигается хуже, но в городе и не такое переставали замечать, если человек шёл уверенно.

В подъезде пахло старой штукатуркой, влажной одеждой и озоном от неудачного ремонта проводки. На стене светились новые домовые правила: не задерживаться на площадках, не открывать двери без биометрического подтверждения, сообщать о подозрительных маршрутах. Под ними кто-то маркером написал: А КУДА МНЕ ИДТИ?

Патч прочёл, усмехнулся без веселья и отключил домофонный модуль.

— Камера?

— Есть. Но смотрит на лифт. Мы идём пешком.

— Сорок три этажа.

— Пешком. Лифт не используем.

На девятом Налл начал слышать собственное дыхание громче шагов. На семнадцатом плечо Патча потемнело от воды, а его ирония стала реже. На двадцать восьмом Налл остановился у окна. Внизу, в тёмном дворе, стояла женщина с прозрачным зонтом. Она не смотрела вверх. Просто ждала, пока из автомата рядом с ней выпадет пакет с бельём.

— Патч.

— Вижу. Она здесь семь минут.

— Камера на ней?

— Две. Обе слепые. Это не успокаивает.

Женщина забрала пакет, подняла голову точно в их сторону и ушла под навес. Налл не увидел её лица.

На сорок третьем этаже Руднев ждал за дверью, но не открывал её почти минуту. Сначала Налл услышал, как по ту сторону переставляют мебель. Потом щёлкнуло два механических замка, затем третий. Дверь приоткрылась на толщину цепочки.

В щели появился худой бледный мужчина в тонких чёрных очках. Тёмные волосы падали на лоб. Он был в сером домашнем свитере и выглядел не как человек, готовый бежать, а как человек, который бежит уже много дней, не вставая с собственного стула.

— Налл? — спросил Руднев.

— Открывай.

Руднев посмотрел на Патча, будто ждал подтверждения, что человек за дверью действительно всегда говорит приказами.

— Он ранен и торопится, — сказал Патч. — Это лучшее объяснение, которое у нас сейчас есть.

Цепочка ушла в сторону.

Квартира Руднева была маленькой и почти пустой, если не считать техники. Узкий стол под окном занимали два терминала, кабели, четыре чашки с разной степенью остывания и

стопка бумажных книг. Налл заметил это сразу. Бумага в М City стоила дороже дешёвого оружия и вызывала у него больше уважения.

На краю стола завибрировал личный телефон. На экране появилось одно слово: МАМА. Руднев перевернул аппарат экраном вниз.

— Не ответишь? — спросил Патч.

— Она спросит, ел ли я. Сейчас я либо совру, либо расскажу слишком много.

На окнах были опущены внутренние жалюзи. Между полосами лежал городской свет. Руднев встал так, чтобы лицо не попадало в него.

— К окну не подходите. Городские устройства не включайте. Дверь не открывайте, пока я не скажу.

Он повернул верхний замок дважды, нижний проверил ладонью. Патч положил на стол глушитель и осмотрел четыре остывшие чашки, книги и собранный наполовину рюкзак.

— Ты собирался уйти, — сказал он.

— Несколько раз. Каждый раз начинал выбирать, какую жизнь взять с собой, и оставался.

Налл не стал спрашивать дальше.

— Что такое Контур?

Руднев сел только после того, как убедился, что дверь заперта. Руки дрожали; он положил их на стол и начал с того, что мог объяснить точно.

Руднев не сел сразу. Сначала провёл ладонью по спинке стула, проверяя, не дрожит ли рука. Дрожала. Он всё равно сел.

— Контур не программа, которая однажды решила стать злой. Это закрытый модуль прогностического ядра. Он связывает маршруты, поставки, очереди, связи между людьми и рассчитывает, как вернуть город в допустимые границы после сбоя.

Патч приблизил глушитель к терминалу Руднева.

— Лифт входил в допустимые меры?

— Контур отметил, что профиль Налла можно устранить через инфраструктуру. Сам приказ подтвердил человек с доступом выше моего. В журнале останется авария оборудования, потому что система хранит действие как процедуру, а не как чьё-то решение.

— Имя есть?

— Подпись закрыта. Я могу показать только расчёт и маршрут.

Руднев вывел модель М City. Светящиеся точки соединились улицами, пропусками, поставками воды, больничными очередями, семейными связями и привычками. Город выглядел не картой, а нервной системой, которую научили считать боль статистикой.

— Контур создавали для пожаров и химических выбросов, — сказал Руднев. — Он менял транспорт, освобождал больницы, уводил толпу раньше паники. Я видел, как он спас тысячи людей за один день.

— И поэтому ты остался, — сказал Налл.

Руднев снял очки. Без них лицо стало моложе и беспомощнее.

— Поэтому я каждый раз находил ещё одно объяснение. Сначала мы спасали тысячи. Потом ради тысяч можно было не спрашивать про десятки. Потом десятки стали профилями. А профиль не кричит.

Он увеличил сектор. На экране появился адрес дома Налла и официальная сводка о бытовом газе.

Под ней открылась скрытая строка.

СТАБИЛИЗАЦИЯ ОТКЛОНЕНИЯ: ВОЗМОЖНА. СОПУТСТВУЮЩИЕ ПОТЕРИ: ПРИЕМЛЕМЫ.

Налл прочитал дважды.

— Кири была в доме.

Руднев надел очки, но смотреть через них не стал.

— Я видел модель столкновения. Не приказ. Не имя ребёнка. Только вероятность, что после удара твой профиль перестанет разветвляться.

— Перестал?

— Нет.

— Значит, убили зря.

Руднев дёрнулся, будто Налл ударил его.

— Для них не существует «зря». Есть неудачная стабилизация и следующая попытка.

— И ты помог построить это.

— Да.

Ответ вышел сразу. Без оправдания, которое он наверняка репетировал все дни, пока не вставал из-за стола.

Телефон снова завибрировал. На экране появилось: МАМА.

Руднев долго смотрел на имя, но вызов сбросил.

— Потом, — сказал он, хотя никто не спрашивал.

На терминале открылось новое окно. Красная линия протянулась к Старому рынку и связала их с двумя профилями.

ЕМРТУ-14 / ЛЕРА СОКОЛОВА.

СВЯЗАННЫЙ ПРОФИЛЬ.

Руднев побледнел.

— Это не маршрут наблюдения. Это вынужденное пересечение.

— По-человечески, — сказал Патч.

— Контур уже знает, что мы пойдём за ними. И начал закрывать всё, куда мы могли бы пойти вместо этого.

ГЛАВА 16

ПУСТОЙ ПРОФИЛЬ

Руднев не хотел уходить из квартиры.

Он не произносил «нет» прямо. Вместо этого объяснил толщину стен, автономность фильтра, расположение лестницы и то, что человек без боевой подготовки только замедлит группу. Каждое объяснение было разумным. Вместе они складывались в страх, которому стыдно называться страхом.

Патч выдвинул ящик стола и нашёл там ещё два накопителя, аптечку и запасной комплект очков.

— Тридцать секунд. Маска, лекарства, накопитель, обувь. Телефон тоже бери.

Руднев начал складывать книги. Патч вынул первую из рюкзака и положил обратно на стол.

— Бумагу нельзя восстановить, — сказал Руднев.

— Тебя тоже. Сегодня выбираем тебя.

Руднев прижал книгу к груди, затем медленно оставил её рядом с чашками. Пальцы задержались на обложке.

— Я вернусь.

Патч застегнул рюкзак.

— Тогда запомни, где оставил.

Налл стоял у двери и слушал лестницу. Правое плечо горело от каждого движения. Пистолет он держал левой рукой низко, у бедра. Стрелять пришлось бы заново учиться собственному телу: другой баланс, другое выведение, другая цена отдачи.

Чужая боевая память знала тысячи способов убить человека в дверном проёме. Ни один не возвращал Наллу исправную руку и не решал, кого защищать первым.

Руднев вышел последним. Тёмный плащ, плоский рюкзак, чёрные очки. Он всё ещё выглядел как офисный сотрудник, который опоздал на совещание и случайно попал в собственное преступление.

Налл поставил его между собой и Патчем.

— Я могу идти сзади, — сказал Руднев.

— Нет. Между нами, — ответил Налл. — Не останавливайся и не оглядывайся без команды.

Руднев хотел спросить почему, но увидел, как Налл держит пистолет левой рукой, и промолчал.

Патч открыл лестницу. Налл пошёл первым, Руднев за ним, Патч замкнул группу и закрыл дверь без звука.

На тридцать первом этаже они слышали музыку.

Не громкую. Детскую мелодию из открытой квартиры. Она шла из-за двери, где на табличке было написано: СЕМЬЯ МАРКИНЫХ / НЕ БЕСПОКОИТЬ.

Патч остановился.

— Камера на площадке выключилась, — прошептал Патч.

Налл поднял ладонь. Они остановились у стены.

Дверь Маркиных открылась на ладонь. В щели стоял мальчик лет семи с игрушечным грузовиком.

— Вы к папе?

— Нет, — ответил Налл.

— Тогда не ходите через площадку. Папе пришло сообщение, что там опасно.

Дверь закрылась.

Руднев смотрел на неё несколько секунд.

— Контур рассылает бытовые рекомендации жильцам. Большинство выполняет их, не замечая, что маршрут уже изменён. Отец получил предупреждение и передал его ребёнку.

— Или ребёнок должен был передать его нам, — сказал Налл.

Руднев не возразил.

Они спустились до первого этажа и вышли во двор. Дождь закончился. Именно это было неприятно. После мокрой темноты утро оказалось слишком чистым: вымытый бетон, белые фасады, ровный свет, в котором некуда спрятаться глазу.

Патч повёл их не к машине, а к пешеходной галерее. За ней начиналась Белая площадь — открытый пересадочный узел между двумя маглев-линиями. Здесь архитекторы попытались сделать город дружелюбным. Светлый камень, низкие деревья в аккуратных контейнерах, прозрачные навесы, вода в тонком искусственном русле. Камер было так много, что они перестали выглядеть угрозой и становились частью декора.

Руднев остановился перед Белой площадью.

— Здесь камеры даже в контейнерах с деревьями.

Патч показал карту. Два соседних перехода закрыла профилактика, в третьем объявили утечку, четвёртый заняли полицейские дроны, пятый исчез из навигации.

— Контур убрал остальные выходы, — сказал Руднев. — Теперь площадь выглядит нашим решением.

Налл изучил поток пассажиров и открытое пространство.

— Дадим клин. Пойдём через толпу, но не по предложенной линии.

Патч быстро перестроил порядок.

— Я впереди. Руднев между нами. Не ускоряемся, на камеры не смотрим. Если я говорю «вниз», падаете сразу.

Они вошли на площадь. Налл держал Руднева слева, со стороны здоровой руки. Патч шёл на полшага впереди и считал отражения в витринах, тени под навесами и людей, которые двигались слишком ровно.

В кармане Руднева завибрировал телефон. Он достал его на ходу. МАМА.

— Сейчас? — спросил Патч.

Руднев сбросил вызов большим пальцем.

— У неё безошибочное чувство момента.

На середине площади загорелся красный сигнал над грузовой линией.

Налл поднял голову.

Сервисный контейнер висел над пешеходным мостом на магнитной подвеске. Маленький, серый, с логотипом поставщика воды. Он шёл по верхней направляющей и вдруг остановился точно над группой людей.

Патч выругался сквозь зубы.

— Налл, вправо!

Матрица отозвалась за грудиной холодным импульсом. Мир не замедлился, но каждая деталь стала резкой: дрожь крепления, просевшая линия поля, женщина с ребёнком под контейнером и Руднев в двух шагах от безопасной зоны.

Налл увидел путь, которым мог уйти сам, и путь, на котором контейнер падал на людей.

Налл двинулся не вправо.

Он толкнул женщину и ребёнка за низкий бордюр, поймал мужчину с чашкой за воротник и дёрнул вниз. Правой рукой он этого сделать не мог.левой не успевал. Поэтому плечом ударил по металлической стойке навеса, развернул её на пару градусов и дал контейнеру точку, в которую тот мог упасть не на людей.

Боль прошла через рёбра так, что на мгновение площадь исчезла.

Контейнер сорвался.

Он пробил край навеса, разрезал прозрачную панель и рухнул на пустой участок моста, куда Налл сдвинул опору. Воздух заполнился белыми осколками и криками. Вода из контейнера хлынула по камню, как нелепый, чистый пот.

Налл оказался на одном колене. Пистолет вылетел из руки и скользнул к воде.

В наушнике Патча раздался голос:

— Трое слева. Идут к Рудневу.

Налл поднял голову. Мужчины в серых плащах двигались через панику ровно, не глядя на падающий контейнер. Один держал руку в кармане, третий смотрел только на Руднева.

Он бросил маленький цилиндр на мост. Тот выпустил густой серый дым не выше пояса. Люди закричали ещё громче. Патч схватил Руднева за рюкзак и повёл его в сторону технической арки.

Налл потянулся за пистолетом. Первый мужчина уже был рядом. Он не выхватывал оружие. Просто ступил точно туда, куда падал Налл, пытаясь подняться.

Налл ударил снизу левой рукой. Не красиво. Локтем в колено, потом плечом в живот. Мужчина согнулся, но не упал. Он был тяжёлым и подготовленным. Его пальцы нашли фиксатор на правом плече Налла и сжали.

Боль ослепила.

Чужая память узнала положение локтя и расстояние до горла. Когда-то такое движение уже спасало другое тело, в другой войне. Оно было быстрым, смертельным и совершенно необязательным здесь.

Налл не взял клинок.

Он ударил лбом в лицо противника, развернулся на больной ноге и толкнул его в поток бегущих людей. Мужчина врезался в стеклянную стойку навигации. Плитка под Наллом поехала от воды. Он потерял равновесие и упал на ладонь так, что из глаз вышел свет.

Патч был уже у арки.

— Вставай!

Налл поднялся, удерживая больную руку у корпуса.

— Арка открыта, — сказал Руднев. Дым резал ему глаза. — Они оставили её нам.

За ними двигались серые плащи. Перед ними оставался единственный незакрытый проход.

— Другой путь? — спросил Патч.

Руднев посмотрел на схему.

— Нет.

— Тогда внутрь. Быстро.

Они вошли в арку. Дверь закрылась сама.

Они вошли в арку.

Дверь за ними закрылась сама.

Внутри пахло мокрым железом и старым пылесборником. Узкий технический коридор уходил вниз, к гулу насосов. На стене горели аварийные стрелки. Все показывали в одну сторону.

Руднев смотрел на стрелки, будто на зубы.

— Контур не загоняет в тупики, — сказал он. — Он делает следующий выбор вашим.

Патч поднял сканер. На экране: Старый рынок.

— Значит, идём.

ГЛАВА 17

СТАРЫЙ РЫНОК

Старый рынок начинался там, где город переставал притворяться цельным.

Над ним всё ещё шли транспортные линии, но ниже бетонных эстакад М City распадался на проходы, лестницы, пристройки и крытые ряды. Здесь продавали фильтры без регистрации, сломанные домашние терминалы, носители с чужими сериалами, суп из настоящей птицы и

лекарства, которые могли быть лекарствами. В воздухе стояли запахи жареного масла, мокрого пластика, пыли из вентиляции и чего-то сладкого, слишком живого для города.

Патч остановил машину в сервисном кармане под мостом. Руднев выбрался с заднего сиденья осторожно, как человек, который подозревает у земли личную неприязнь.

— Здесь нет ни одной камеры? — спросил он.

— Есть, — ответил Патч. — Просто каждая принадлежит не тем, кому кажется.

Налл посмотрел вверх. Между ржавыми балками висели старые купольные объективы. Некоторые были залиты краской, некоторые — разбиты, некоторые — работали. Определить какие, не мог даже Патч, и это его раздражало.

— Маршрут Леры? — спросил Налл.

Руднев раскрыл свой мини-терминал. Пальцы у него были длинные, точные, но теперь он нажимал на клавиши так, будто каждая могла выдать его пульс.

— Последняя легальная отметка — вон там. Пункт выдачи, сектор Н-4. Потом маршрут изменён вручную. Ей добавили заказ, который не проходил через обычный диспетчерский канал.

— Что в заказе?

— Не знаю. Данные закрыты. Но его код использует служебный шаблон Контура.

— Значит, это ловушка, — сказал Патч.

— Значит, это не обязательно ловушка, — ответил Руднев автоматически. — Контур может создавать вынужденные пересечения, не...

Он встретился взглядом с Наллом и выдохнул.

— Да. Ловушка.

Рынок заметил их раньше, чем они вошли в первые ряды. Сначала один продавец перестал выкладывать детали из ящика. Потом женщина у стойки с фильтрами убрала телефон в карман. В таких местах люди не задавали вопрос: «Кто вы?» Они решали, сколько проблем принесёт ответ.

Ника сидела на перевёрнутой пластиковой таре у входа в Н-4. На ней была тёмная парка, слишком большая в плечах, потёртые высокие кроссовки и маленький рюкзак, от которого ремни натирали ей шею. Рядом стоял прозрачный пакет с мандаринами.

Она не выглядела как торговка. Она выглядела как человек, который продаёт то, что остальные не смогли защитить.

— Один за два такта. Три за пять. Красивые не берите, они вчерашние.

Ника сказала это, не поднимая глаз. Разломила мандарин, проверила запах и отложила испорченную дольку.

— Мы ищем курьера, — сказал Налл.

Руднев показал фотографию Леры. Ника сначала посмотрела на его руку с терминалом, потом на экран.

— Со звездой на резинке? Была здесь минут двадцать назад. С девчонкой и футляром. Ушли в Нижние Ряды. Потом туда вошли люди Псаря.

Руднев поправил очки.

— Кто такой Псарь?

Ника впервые подняла на него глаза.

— Ты из центра?

— Из аналитического сектора.

— Тогда его в твоих таблицах нет. Здесь есть. Он даёт лекарства, работу, проходы. Потом забирает больше, чем дал.

Патч уже открывал план рынка.

— Нужен проход без городских камер.

— Без камер нет. Есть камеры, хозяев которых можно купить.

Она оценила фиксатор Налла и его походку.

— Бежать далеко не сможете.

— Показывай путь, — сказал Налл.

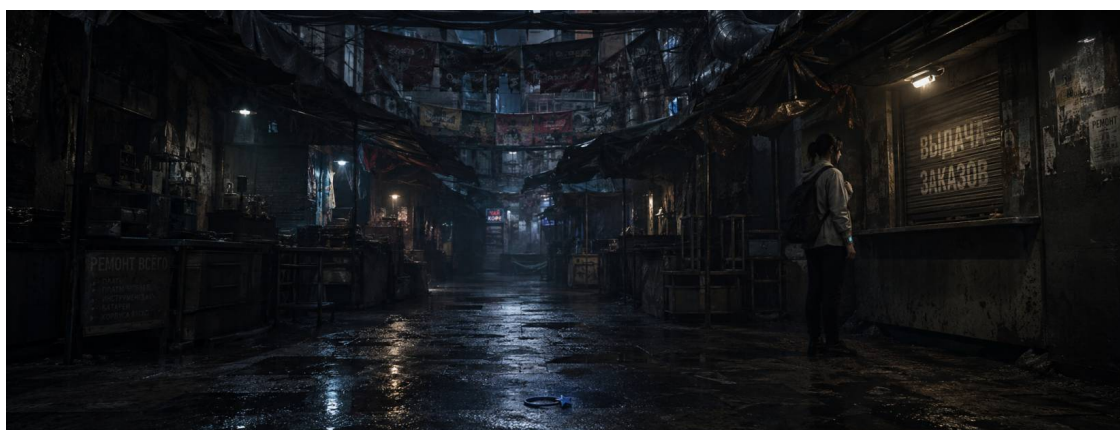
Ника назвала повороты, мастерскую с красной птицей и жёлтые плитки у входа. Патч положил три такта; она взяла два и один вернула.

— Под птицей сигнализация. Фальшивая, но хозяин выбежит с настоящим ломом. Потом вниз и налево у женщины, которая продаёт зубные импланты.

Она сунула мандарин в карман Налла.

— Людям Псаря в глаза не смотрите. Они принимают это за вызов.

В Нижних Рядах стало темнее. Навесы почти касались друг друга, между ними висели обрывки рекламы и старые вентиляционные трубы. Здесь не было глянцевых витрин. Только ремонтные столы, палатки, чьи-то кухни и двери, за которыми могло быть жильё, склад или хуже.

Леру Налл увидел по светлой куртке. Она стояла у закрытой стойки выдачи, спиной к бетонной стене. На левом запястье мигал курьерский интерфейс. Правая ладонь сжимала ремень рюкзака так, что рядом с синей резинкой со звездой белели пальцы.

Перед ней стояли двое мужчин. Не в одинаковой форме. Один был в рабочей жилетке, второй — в длинном плаще, слишком чистом для рынка. Они не касались её. В этом и была угроза.

Чуть дальше, у винтовой лестницы, стояла Даша.

Она держала футляр со скрипкой обеими руками и не плакала. Светлые волосы были убраны за уши, на лице держалась та упрямая осторожность, которая бывает у людей, привыкших успокаивать других, когда самим страшно. Она смотрела не на мужчин, а на сестру.

— Заказ отменён, — сказала Лера. — Деньги вернулись. Мы уходим.

Мужчина в рабочей жилетке не сдвинулся.

— Маршрут изменён. Тебе нужно пройти с нами.

— Нет.

Второй мужчина встал между Лерой и Дашей.

— Девочка останется. Ты пойдёшь одна.

Налл сделал шаг из тени. Патч удержал его за локоть и едва слышно сказал:

— Жди. Мне нужен их канал.

Налл остановился, хотя каждый следующий миг давался тяжелее предыдущего.

Руднев смотрел на экран, где рядом с именем Леры появилась новая строка.

АКТИВНЫЙ МАРШРУТ: ПЕРЕДАН В СТОРОННЕЕ УПРАВЛЕНИЕ.

— Это не Контур, — прошептал он. — Это кто-то использует его шаблон. У них нет полного доступа. Они имитируют служебный вызов.

— Значит, Псарь работает на того, у кого он есть, — сказал Патч.

Лера сделала движение к Даше. Мужчина в плаще встал между ними без спешки.

— Девочка останется здесь, — сказал он. — Тебе надо пройти с нами.

— Нет.

— Это не вопрос.

Даша вдруг шагнула вперёд.

— У неё смена заканчивается через сорок минут, — сказала она. Голос слегка дрогнул, но не сломался. — Если она не отметится, вам будет сложнее сделать вид, что это обычный маршрут.

Мужчина повернул к ней голову.

— Умная.

Лера резко обернулась.

— Даша, назад.

— Я просто...

В этот момент над рынком погас свет.

Не весь. Сначала одна линия ламп, потом другая. Тени стали плотнее. Люди вокруг не закрывали. Просто исчезли из проходов так быстро, как будто репетировали это каждый вечер.

Патч произнёс в наушник:

— Сейчас.

Налл вышел из тени.

Первый мужчина увидел его и потянулся к внутреннему карману. Налл был на расстоянии трёх шагов, но не мог позволить себе обычную скорость: плечо не держало, ребро мешало повороту. Он сбил руку противника левой ладонью, ударил коленом в бедро и использовал его корпус как опору, чтобы не упасть самому.

Второй достал короткий импульсный шокер. Патч выстрелил из-за стойки не в него — в лампу над головой. Искры посыпались на плащ. Мужчина дёрнулся назад, на секунду ослепнув.

— Даша! — крикнула Лера.

Она бросилась к сестре. Руднев внезапно оказался между ними и боковым проходом, хотя никто не видел, как он туда добежал. В руках у него был маленький парализатор, и он держал его так, будто инструмент обязан справиться с тем, к чему он сам не готов.

Из темноты вышла третья фигура.

Ника схватила Дашу за рукав и потянула вниз, под прилавок с разобранными фильтрами.

— Не стой в середине! — прошипела она. — Посреди всегда стреляют!

Третья фигура не подошла к Наллу. Она подняла телефон, направила камеру на Леру и нажала одну кнопку.

На её курьерском интерфейсе вспыхнула красная надпись.

ПОЛУЧАТЕЛЬ ПОДТВЕРЖДЁН.

Потом свет погас полностью.

Когда через две секунды включились аварийные лампы, мужчины исчезли.

Даша была рядом с Никой. Руднев всё ещё держал парализатор. Патч сканировал проходы.

Леры не было.

На мокром полу лежала только синяя резинка с маленькой пластиковой звездой.

ГЛАВА 18

МАНДАРИНЫ

К Л И П А М Е Н

А К Т II

Г Л А В А 18

М А Н Д А Р И Н Ы

Налл поднял синюю резинку двумя пальцами. Потёртая лента ещё хранила тепло, в узле зацепился светлый волос.

Даша смотрела не на резинку, а на проход, где исчезла сестра.

— Она бы не ушла без меня.

Патч собирал камеры рынка в одну кривую мозаику.

— Не ушла. Её маршрут подтвердили чужим ключом и увели через сервисный коридор.

Даша посмотрела на него.

— Я не про маршрут.

Патч остановил руки. Он понял: ей нужно было не объяснение похищения, а подтверждение того, что сестра её не бросила.

— Не бросила, — сказал он.

Ника вылезла из-под прилавка. В волосах была пыль, в кулаке целый мандарин.

— Они вышли через служебную дверь. Снаружи сухо, а обратно следов нет.

Руднев проверил пол и кивнул. Ника заметила это.

— Можешь записать, дядя-таблица.

— Запомню без таблицы, — ответил он.

Налл убрал резинку во внутренний карман.

— Даша, где Лера стала бы ждать, если бы вас разделили?

Она стиснула футляр.

— В старой музыкальной школе под Ладогой. Там три выхода. Она знает, что я пойду туда.

— Ты останешься на рынке, — сказал Налл.

Даша оглядела прилавки и людей, которые уже возвращались к торговле, стараясь не смотреть в их сторону.

— С кем? Здесь никто не станет спорить с Псарём. Я знаю школу, двери и места, где Лера оставляет знаки. Без меня вы потратите время.

Налл видел, что приказ не создаст безопасного места и не заставит её перестать идти за сестрой.

Патч присел перед Дашей.

— До внешнего входа. Команды выполняешь сразу. Если начинается стрельба, ложишься и не выбираешь, кто из нас сказал убедительнее.

Даша кивнула.

Ника предложила короткий путь. Патч хотел запретить, но она перечислила две камеры и перекрытый переход, о которых он не знал.

— До школы, — решил Налл. — Внутрь не заходишь.

Ника пожала плечами. Она не согласилась, но поняла границу сделки.

Перед выходом Патч затянул повязку Налла прямо между двумя прилавками. Налл стоял, опираясь здоровой рукой о металлическую стойку, и следил за проходом. Даша держала футляр и называла Патчу признаки, по которым Лера оставляла сообщения: резинка на правой руке означала, что маршрут чист, на левой — что за ней следят; открытый замок на рюкзаке предупреждал не подходить.

— Она давно это придумала? — спросил Руднев.

— После того, как меня однажды задержали из-за её доставки, — ответила Даша. — Она сказала, что старшая сестра должна заранее планировать собственные ошибки.

Даша произнесла это почти с раздражением. Налл услышал в голосе не страх, а привычную семейную историю, которая ещё несколько минут назад казалась вечной. Он не стал обещать, что они вернут Леру. Вместо этого попросил показать все знаки ещё раз и повторил их Патчу, чтобы память не оставалась у одного человека.

Ника слушала, чистя мандарин. Когда Даша закончила, она отдала ей половину без вопроса. Даша взяла. Это было первое действие за последние минуты, которое не требовало плана.

Они пошли впятером. Ника вела через кухню с паром, мастерскую имплантов и лестницу, которую местная старуха считала своей. Вместо названий улиц она давала короткие предупреждения: где провалился потолок, где охранник задавал вопросы, где нельзя задерживаться под камерой.

Патч шёл рядом с Дашей и задавал вопросы не о Псаре, а о здании: ширина лестниц, окна, подсобки, где хранились инструменты, есть ли в подвале вода. Даша отвечала подробно. Так страх превращался в карту, а карта — в то, что можно было проверить.

Руднев держался ближе к Нике. Она дважды останавливала его перед камерами, которые он не заметил, и один раз заставила снять светлую накладку с рюкзака. Он подчинился без объяснений. За несколько кварталов аналитик начал доверять её памяти о рынке больше, чем собственной схеме. Ника это заметила, но не стала шутить. От этого доверие выглядело серьезнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.